

Яков Бутков

Битка

Яков Петрович Бутков

Битка

Аннотация

«Жаль, что день ото дня теряют свое значение в русском языке и вовсе выходят из употребления многие древние, сильные, меткие слова, теснимые иными чужезычными словами, будто потому, что язык наш беден, невыразителен! Ныне, например, в большом ходу слово гений. Стоит осведомиться, кого и за что величают гением. Журнальный сотрудник, которому расчетливый редактор, или издатель журнала, не находит нужным платить за труд, называется, для поощрения, гением, а между тем он не гений, а только литературный чернорабочий...»

Содержание

Яков Бутков

Битка

Жаль, что день ото дня теряют свое значение в русском языке и вовсе выходят из употребления многие древние, сильные, меткие слова, теснимые иными чужезычными словами, будто потому, что язык наш беден, невыразителен! Ныне, например, в большом ходу слово гений. Стоит осведомиться, кого и за что величают гением. Журнальный сотрудник, которому расчетливый редактор, или издатель журнала, не находит нужным платить за труд, называется, для поощрения, гением, а между тем он не гений, а только литературный чернорабочий. В канцелярии человек, совершенно владеющий казенным слогом, умеющий запутать дело подьяческими крючками, с одинаковым совершенством пишущий и переписывающий, слывет гением, а он только строка, и доселе законно и понятно придается название строки людям вышеисчисленных доблестей, обитающим в степных губерниях, куда еще не достиг бич бестолковых нововведений. Мелкий человек, ни разу не попавшийся в краже казенных денег, тоже находит панегиристов, которые глупо уверяют его и себя, будто он гений; но он, мелкий человек с вытертыми локтями, по совести, не более как вор, в новейшем значении слова. Даже купечество российское приняло в свой язык бусурманское слово, хотя, кажется, и некта-

ти бы русскому человеку крестить себя немецким прозвищем; но вот причина: слышали мы от людей чиновных и ученых, что Наполеон был гений; поэтому, что бы ни значило такое мудреное слово, все-таки очень приятно носить одно название с Наполеоном. О, Наполеон! Наполеон – и гений! Много русских разумных голов закружились от этих двух слов, и вот давно ли обанкротился какой-то откупщик¹, давно ли он обеспечил себя десятком домов, выстроенных и купленных на женино имя, на казенные деньги и на достояние тысячи обманутых за благородную доверенность достаточных семейств, которым уже не бывать достаточными, а идти по миру просить милостыню ради Христа; давно ли? И уже все, знающие этот чудный коммерческий оборот, кричат: Карп Карпович – второй Наполеон, даже – Карп Карпович – второй гений! Но стою за значение Наполеона и гения (с полным сознанием, что для Наполеона и гения нет в том никакой надобности) и опять скажу: это также не гений, это все-таки вор, но не в нынешнем, слабом смысле, это вор в древнем, обширном значении слова.

Далее, гением называют такого человека, которого нельзя назвать ни чернорабочим, ни строкою, ни вором, в каком бы то ни было размере, человека, который не что иное, как битка.

Идет речь о битке.

---

¹ Откупщик – тот, кто за деньги приобретает право на какой-либо вид государственных доходов, налогов.

В Петербурге существует бесчисленное, известное только полиции, количество гостиниц, трактиров, харчевен и «съестных заведений», вообще называемых трактирами. Эти заведения отличаются одно от другого своими правами и обязанностями, своими замысловатыми вывесками и качеством своих посетителей. Есть трактиры или гостиницы, где в дверях стоит швейцар с булавою; есть трактиры или харчевни, где швейцары и другие крепко позолоченные люди составляют высший класс посетителей.

Средину между этими заведениями занимает русский трактир на немецкую статью, где хозяин – старовер, муж, преисполненный благочестия и ненависти к табаку; где прислугу составляют молодцы из ярославских крестьян, одетые по-немецки, остриженные под лавержет², отчаянные любители табаку и горничных; где во всех углах теплится неугасимый огонь...

Трактир этого рода стоит на перекрестке двух улиц. Над двумя входами в него красуются вывески, на одной из них начертана простая надпись: в хот в трахтыр город Кытай съесные кушаны; на другой эта надпись, для вящего уразумения проходящих, в которых предполагаются и люди, не ведающие книжной мудрости, повторяется иероглифами, имеющими вид чайника, сахарницы, графинчика, бильярда и двух человеческих фигур, которых головы, без посредства шеи, приставлены прямо к плечам; от плеч проведены, оди-

---

² Ла-вержет – вихор, высокая прическа.

накой меры, четыре отрасли наподобие рук и ног.

Благочиние, в лице будочника, постоянно блюдет за надлежащею тишиною и водворяет порядок в самом трактире по востребованию и на два шага в окрестности по личному благоусмотрению.

Утром, в шесть часов, трактирная команда пробуждается. Лишь только полусонный Петрушка открывает в хот в трахь-тыр, является посетитель: лицо бледное, наподобие старой, бывшей некогда белою, лайковой перчатки, глаза тусклые, оловянные, борода небритая с полгода; сертук казенного цвета, трижды вывороченный, и некоторое подобие жилета и панталон – пасквиль на панталоны и жилеты.

– А! Самсон Самсонович! Поздненько вы сегодня! – говорит ему Петрушка.

– Проспал, – отвечает Самсон Самсонович, – очень тепло было. Хоть и не комната, а так же тепло, как бы и в комнате. Одеяло и прочее дали не в счет. Очень хорошие люди!

Самсон Самсонович самый постоянный посетитель Кытая. В течение десяти лет каждый день проводит он в этом трактире. Где-то в подвале, на чердаке или в сарае он имеет квартиру, там он ночует; но в шесть часов утра он уже в Кытае. Половые, с которыми он очень дружен, приглашают его пить чай, и он, сказав, что уже выпил дома восемь стаканов, садится покушать так, для компании. Потом уходит в уединенную комнату, ложится на диван и спит до вечера, если не разбудят его в течение дня новые посетители. Знаю-

щие Самсона Самсоновича не прерывают покоя его, садятся на другом диване и говорят: «Пусть себе спит Самсон Самсонович!»

Вслед за Самсоном Самсоновичем валит в черную половину трактира толпа извозчиков; партии человека по четыре, требуют «собрать чайку на гривенничек, получше давишнего, да поскорее; оченно – больно некогда!»

– И «Пчелку»³ сегодняшнюю подавай! – прибавляет Митюха, грамотей.

– Што «Пчелку»! – восклицает другой грамотей, Андрюха. – Подай «Полицейскую»⁴!

– Не приносили еще, – отвечает половой.

– Ну, хоть вчерашнюю. Все равно!

После четырнадцатой чашечки чайку у ранних посетителей завязывается разговор, беседа. Эти господа не любят толковать о пустяках. Хотя они читают «Пчелку», иные даже «Полицейскую», однако внимание их обращается исключительно на предметы выспренние.

– Слышь, Андрюха!

– Что вычитал, Митюха?

– Получено двести тысяч зубов каких-то, бес их знает, патентованных, усовершенствованных, механических...

– О! я знаю, – прерывает один из собеседников, Кирюха.

---

³ «Пчелка» – газета «Северная пчела» (см. примеч. 10 к очерку Н. А. Некрасова «Петербургские углы»).

⁴ «Полицейская» – газета «Ведомости С.-Петербургской городской полиции».

– Это, ребята, зубы-самогрызы!

– Уж не те ли?

– Те самые, что от двенадцати лихорадок и от самого бур-мистра отгрызутся!

– Вот кстати бы тебе, Митюха, – говорит Кирюха, лукаво перемигиваясь с прочими товарищами, – кстати бы послать гостинца жене, хоть парочку зубов-самогрызов. Вишь, она, сердечная, такая смиренница!

Общий хохот.

– Стой, ребята! Молчите и слушайте! – восклицают оба грамотея.

– Што, овес вздорожал? – вопрошают профаны-неграмотные.

– Какой там овес! – отвечает Митюха. – Кончина света будет!

– Мало чего нет! Не смотри полиция, давно бы была кончина света! И будет! Было ж затмение; вздорожала же водка! Прежде чего стоила косушка, а теперь что стоит? Будет, я вам говорю, ребята, будет Страшный суд на Пулковой горе: там уж и дом такой выстроили⁵. День и ночь смотрят в небо: чуть только покажется что-нибудь такое, сейчас дадут знать в полицию...

Разговор в этом духе, оставляемый уходящими, поддер-

---

⁵ «...Страшный суд на Пулковой горе: там уж и дом такой выстроили». – В 1839 г. под Петербургом на Пулковой горе было построено здание обсерватории.

живается остающимися и продолжается новыми посетителями во весь день. Он приятно разнообразится рассказами извозчиков о том, как одному из них попался очень щедрый барин, три рубля серебром пожаловал и четыре оплеухи дал, чтоб его черт взял; как другой весь день возил пьяных под прикрытием полиции; как третьему седок обещал выслать целковый за то, что целый день ездил, да не выслал; как четвертый видел в полночь черта у Казанского моста. Действие оканчивается в одиннадцать часов ночи общею жалобой на худое время, на кузнецов и на дороговизну овса и водки.

Оборванный мальчишка с утра до ночи стоит у входа в так называемую чистую половину. Несмотря на его невзрачность, на его видимое, осязаемое ничтожество, в нем предполагаются превосходные критические способности, и роль его у этого входа весьма важна: при появлении посетителя он должен одним взглядом, быстрым и верным, окинуть его с ног до головы и решить, в какую из двух половин указать или отворить ему дверь. Этот глубокий критик до такой степени наострил в своей должности, что для составления себе точного понятия о посетителе считает достаточным взглянуть только на локти и сапоги его.

С десяти часов утра чистая половина трактира наполняется почетными гостями: подрядчиками, поставляющими припасы и гробы в госпитали и больницы, строящими казенные здания и содержащими в них надлежащую чистоту. Едва

только они сели, является сам трактирщик для засвидетельствования им решпектов⁶. Только подрядчики, поставщики и содержатели чистоты имеют в себе что-то такое, вызывающее трактирщика на особенное внимание к ним, на себебедничество с ними. Это, может быть, происходит от общей охоты потолковать о политике, в которой, с одной стороны, посетители весьма недалеки, потому что они читают в газетах одни только объявления о торгах на подряды и поставки, а с другой, трактирщик, читающий ежедневно газеты от заглавия до подписи цензоров, так силен, что чувствует непреодолимое стремление высказывать свои мысли о китайских и испанских делах и ставить слушателей в тупик своим многознанием.

– Ну, Кузьма Терентьевич, что нового, что хорошего у вас? – спрашивает поставщик припасов.

– Плохо, Терентий Кузьмич, – отвечает трактирщик со вздохом, – очень плохо! В Китае, не в моем, а в настоящем Китае, торговля совсем остановилась. Англичане столько товаров навезли, что и девать некуда. Быть войне!

– Когда-то она будет, – замечает тоже со вздохом поставщик гробов, – а нашему брату придется с голоду умереть. У меня своего товара столько накопилось, что и не знаю, как с рук сбыть. Просто божеское наказание!

– Думайте, как хотите, а война будет, – продолжает трактирщик. – Пусть только англичане построят у нас железные

---

⁶ Решпект (от франц. respect) – почтение.

дороги, а там уже можно им и встряску задать!

– Ну, что, скажите пожалуйста, эти железные дороги, – спрашивает содержатель чистоты, – я слышал от многих, от людей очень грамотных... Вот, например, Евтей Лукич всякую вещь разумеет порядком: железо ли старое, ржавое поставить вместо нового; гробы ли гнилые, вместо прочных, казенных, все обработает. Очень умный и праведный человек, говорит, что эти дороги – просто дьявольское наваждение.

– Пустяки! – возражает трактирщик. – Ваш Евтей Лукич просто ханжа. Если б было что-нибудь нечистое, так на то есть законы!

Трактирщик выразительно взглянул на подрядчиков, и как дело приходило к расчету, то он поклонился им и ушел. Вслед ему раздались восклицания: «О! Что это за голова Кузьма Терентьевич! Недаром же пишут в книгах, что русский народ ко всему способен!.. Просто сказать, побеседовавши с ним полчаса, поумнеешь на целый день!»

Между тем появляются люди грамотные, книжные, письменные. С трех часов трактир преисполнен чиновниками, конторщиками, просидевшими восемь часов сряду над отношениями и счетами. В трактир они ходят для того, чтоб убить время, прочитать газеты и повстречаться с приятелем, у которого водятся деньги, а есть между ими и такие, которые не ожидают встречи с приятелями и требуют поскорее водочки графинчик, чаю, закусить этак чего-нибудь и про-

читать тоже что-нибудь.

В это время Самсон Самсонович, пробуждается, оправляет свой вечно неизменный туалет, маневрирует вокруг чиновников и наконец подходит к одному из них, который по некоторым причинам пребывал в умилительном состоянии.

– Вы меня извините, – говорит ему Самсон Самсонович трогательным голосом.

– Не за что! – отвечает чиновник, пребывающий в умилительном состоянии.

– Нет! Вы меня извините. Ведь это у вас березовка или тысячелистник?

– Это березовка, сопровождаемая телятиною!

– Так я и думал! Березовку сейчас заметно даже издали: совсем особый цвет имеет.

– Не угодно ли вам?

– Покорно благодарю! Я не употребляю... но, за ваше здоровье!

– Покорно благодарю! Не хотите ли закусить?.. вот...

– Покорно благодарю! Я только что пообедал, очень хорошо пообедал, три блюда такие... Разве еще одну выпить для аппетита. За ваше здоровье!

Самсон Самсонович овладевает березовкою, сопровождаемою телятиною. Посетитель, лишенный половины обеда, выходит из умилительного состояния и мысленно посылает Самсона Самсоновича к черту; а между тем Самсон Самсо-

нович ускользает в другую комнату и подходит к другому лицу.

– Вы меня извините, если я спрошу у вас, что это вы кушать изволите: карамбамбулеву, или сорокалиственную, или же...

– Это «Адамовы слезы»!

– Так-с! «Адамовы слезы» видны по цвету... Очень приятный цвет для глаз, не то чтобы зеленый, и нельзя сказать, чтобы мундирный, а о вкусе и говорить нечего! Весьма усладительно, хотя, с одной стороны, и горько!..

Трактир, горот Кытай, издавна славится, а в трактире славится буфетчик, особенным приготовлением «Адамовых слез» по новейшему, усовершенствованному способу, и многие, очень многие хорошие люди услаждают свои горести этими горькими слезами, и кто, говорят, примет соразмерное количество этих капель, или слез, тот забывает и скуку, и горе, и оскорбление любви, и неприятности по службе, и были будто бы такие люди из числа чиновных, казенных людей, ничего не певшие, не пившие, не писавшие, а только переписывавшие, которые, под благодатным влиянием «Адамовых слез», пели самым раздирательным образом и даже писали, так просто, сами писали, а не то чтобы только переписывали!

Самсон Самсонович, получив новое приглашение, глотает «Адамовы слезы» и отправляется далее. И странно – не находилось человека, который бы оттолкнул Самсона Самсо-

новича неприветным словом. Иной только подумает что-нибудь, а все-таки скажет обычное для него: «не угодно ли вам» и «прошу покорно!». Самсон Самсонович, обращаясь с своим вопросом: «Что это вы изволите кушать», – производит его слабым, кротким голосом, и вопрошаемый, взглянув на него, встречает чуть заметную улыбку, то не бывает улыбка учтивости, ласки, благорасположения, встречает взор, странный, сверкающий особенным, неистолкуемым чувством, и от той улыбки, от того взгляда вздрагивает человек, теряет веселое расположение духа и спешит посадить Самсона Самсоновича возле себя, угостить, обласкать его, не спрашивая, кто он, и не желая знать, кто он. Трактир пустеет; только в одной отдаленной комнате веселая толпа чиновников, порядком покутивших, собираясь домой, рассуждает окончательно:

– Дурак! сущий дурак! Если бы не женился на какой-то родственнице директора, не бывать бы ему столоначальником во веки веков! То ли дело Сою Кузьмич! Сою Кузьмичу не только столоначальником, министром быть!

– Без всякого сомнения! Не будь он так пренебрежен службою, он был бы уже если не министром, то помощником экзекутора⁷!

– Вообразите: вчера я... да, я вчера был уже пришедши в департамент, когда Сою Кузьмич...

---

⁷ Экзекутор – см. примеч. 3 к очерку И. А. Гончарова «Май месяц в Петербурге».

– Что и говорить! Сой Кузьмич у нас самый бойкий человек! Просто сказать – битка!

Самсон Самсонович, забившись в свой угол, пребывал в умиленном состоянии. Он лежал на диване, смотрел в потолок, на хитрые арабески⁸, и думал, что вот, дескать, потолок, а это арабески, а там паутина, а там уже и бог знает что такое... О других предметах он никогда не думал: он научился думать. Но вдруг его бледное, мертвое лицо покрывается румянцем, оловянные глаза сверкают, две слезы, горше и чище «Адамовых слез», катятся по щекам, из груди вырывается тяжкий, долгий вздох...

«Битка!» – говорит про себя Самсон Самсонович. Это слово, долетевшее к нему из отдаленной комнаты, поразило душу его, напомнило ему о чем-то давно прошедшем, давно забытом. Не всю жизнь свою провел он здесь в трактире: он жил когда-то между людьми, когда-то к нему приходили такие же люди несчастные, оборванные, как он, и спрашивали тем же сладостным голосом: «Что вы это кушать изволите!» Когда-то и о нем говорили тоже, что говорят теперь о каком-то Сое Кузьмиче. Бойкий человек! Битка! говорили долго, двадцать лет... и такова была его нравственная сила, что в двадцать лет эта похвала, эта почесьть ни разу не вскружила ему голову, не отважила его ни на один отчаянный казус, ни на одну проделку, ни на одну плутню, которую бы он

---

⁸ Арабески – вид сложного орнамента, состоящего из геометрических фигур и стилизованных листьев, цветов и т. п.

сделал не по общепринятой методе, без надлежащей осторожности. Блестящая судьбина ждала его. Теперь он был бы уже бог знает чем, ездил бы в карете, покровительствовал, судил, рядил... Но бес попутал его на двадцать первом году ревностной службы: он зазнался! «Что!» – сказал сам себе Самсон Самсонович и после этого «что» запустил руку в казенный сундук. «Я – дескать – битка!» И нашелся злодей, верный друг, которому недоставало только случая быть самому бойким человеком и биткою! Верный друг упек битку; битку отдали под суд, битку выгнали из службы с таким паспортом, что боже упаси! Битку прозвали дураком!

А предатель, дотоле лицо ничтожное, пешка, прослыл бойким человеком, биткою, и недаром: теперь он лицо весьма благородное и солидное; он не пренебрег великим множеством установленных правил, форм и порядков, он хранит их строго, сидя на самой вершине их, и, оттуда озираясь, дивится, как высоко поднялся он!..

И стал скитаться Самсон Самсонович по великому граду Петербургу... долго скитался он с своею горькою долею, наконец бросил якорь в этом гостеприимном трактире. Десять лет он провел здесь, и только здесь... и так привык к своему положению, так переродился, что и узнать нельзя в нем прежнего битку; он не горюет, не страдает, не заботится, не мыслит ни о чем... Только лежит себе на диване и смотрит в потолок.

Но иногда, редко, подслушанный разговор чиновников,

вроде вышеприведенного, поражает душу его тоскою неумолимою. Он плачет в своей каморке, на своем войлоке... он вспоминает, он чувствует, он думает: «Когда бы я был точно хуже других!.. Когда бы другие не были хуже меня!»

Бьет одиннадцать часов; трактир запирают. Веселые чиновники и вслед за ними Самсон Самсонович, сопровождаемый Петрушкою, уходят. Одни поют:

В закон, в закон, в закон себе поставим
Для ра – для ра – для радости лишь жить!

Другой думает: «Бойкий человек! Битка! – Ах, какой мороз, господа! Что, если бы этот сертук еще раз выворотить, да починить, да ватою подбить! Битка!..»